

УДК 304.2

**РАЗДАЧА БОЛИ: НАСИЛИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ
И ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные тенденции социальных и статусных изменений, происходящих под воздействием процесса, обозначенного как «раздача боли». Традиционная культура предусматривала ряд ограничителей, призванных уменьшить агрессивные тенденции в поведении отдельных индивидов. Становление и распространение городской культуры привело к устранению жестких ограничений в сфере насилия. Попытки государства монополизировать процесс «раздачи боли» потерпели неудачу.

Ключевые слова: боль, страдание, страх, мучение, власть, внушение.

**PAIN DISTRIBUTION: VIOLENCE IN PUBLIC AND PRIVATE LIFE
IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES
(ON MATERIALS OF OLONETS PROVINCE)**

Pulkin M.V.

The article describes the basic trends of social and status changes occurring under the influence of the process referred to as “pain distribution”. Traditional culture included a number of constraints designed to reduce aggressive tendencies in the individuals’ behavior. Formation and distribution of urban culture has led to the elimination of the severe restrictions in violence. The state failed to monopolize the process of “pain distribution”.

Keywords: pain, suffering, fear, anguish, power, suggestion.

Значимость социального явления, вынесенного в заголовок данной статьи, обусловлена как индивидуальными биологическими особенностями человеческого организма, так и ритуализованными взаимоотношениями личностей в рамках социума. Абсолютно любое человеческое тело знакомо с

болью. Сталкиваясь с теми или иными ее видами, индивид расценивает их как абсолютно личное, непередаваемое ощущение. Возможность для специального гуманитарного исследования проблем боли открывается в том случае, если она выступает как значимое средство обыгрывания социальных статусов индивидов: предотвращения девиантных проявлений или, напротив, их провоцирования в возрастающих масштабах. *Пространства боли* связаны абсолютно со всеми сферами повседневности. Семья, общество, одиночное или коллективное пребывание личности в те или иные периоды существования самым непосредственным образом связаны с непрошеной гостьей – болью. Здесь различимы гендерные, возрастные, *статусные роли*, которые поддерживаются и трансформируются при помощи болевых ощущений.

За пределами общества индивид воспринимает свою боль совершенно иначе, чем в рамках коллектива. Боль в значительной мере определяется социальным окружением жертвы, но этот процесс может принимать двоякие формы, приводя как к усилению, так и к уменьшению болевых ощущений («мы принимаем твою боль на себя»). Следовательно, *люди способны вступать в коммуникацию с болью*, сглаживая ее крайние проявления. Приступая к написанию статьи о проблемах боли, я ставил перед собой задачу рассмотреть *социальные функции боли*. В значительно меньшей мере меня интересовали спонтанные физические страдания, связанные с болезнями. Столь же мало в данном исследовании рассматриваются душевные страдания, хотя деление боли на психологические и физические страдания представляется некоторым исследователям надуманным. Любой из нас знает, что душевные переживания могут стать значительно более тяжкими, чем физическая боль. Из современной медицинской литературы известно, что «болевы́е ощущения связаны с тягостным эмоциональным фоном настолько тесно, что остаются в сознании даже тогда, когда исчезает материальный субстрат для их возникновения» [10, с. 240]. Но исследование эмоциональной сферы является слишком специфической и относительно неплохо изученной представителями различных

наук темой. Таким образом, центральная тема данной статьи – *проблемы соотношения боли и социального статуса*.

Существуют серьезные психологические барьеры для исследования боли, глубоко укорененные в сознании современного человека. Их суть состоит в известном слогане «*Живите без боли!*». Цивилизация комфорта, существующая в настоящее время, предполагает нежелательность боли, стремление избежать ее любой ценой. Нередко встречается негласный запрет на обсуждение тем, связанных с болью. Рассказывать о перенесенных страданиях человек соглашается лишь самым близким людям. Традиционная культура содержала значительно меньшее количество табу. Ее адепты предполагали, что достойное переживание боли является одной из важных предпосылок социализации. Известно, что боль имеет два модуса проявления: причинение страданий и более или менее достойное перенесение мучительных ощущений. Статусное значение в обоих случаях имеют различные формы телесных наказаний. Необычайная изобретательность, проявленная человечеством в этой сфере, наводит на размышления о том, что *причинение боли является в значительной степени общественно значимым действием*. Его цель заключается как в предотвращении новых девиантных проявлений, так и в удовлетворении замаскированных садистских наклонностей отдельных индивидов. В существенной мере изучение боли связано с различными формами скрытого и явного *санкционирования*: как общественного, так и со стороны самих участвующих в процессе причинения боли индивидов — жертвы и мучителя. Осмысление указанной проблемы привело к появлению особой сферы гуманитарного знания – *виктимологии*.

Главный характерный признак причинения боли заключается в том, что *боль невозможно игнорировать*. Свидетельства обратного характера, изредка встречающиеся в архивных документах, производят странное впечатление. Столь же непонятной выглядит немотивированная агрессия, ничем не объяснимое и безответственное причинение болевых ощущений. Так, в 1890 г. крестьянин Ладвинской волости Афанасий Колубов сообщал полиции о том,

что подвергся нападению со стороны односельчан, а затем безвинно пострадал и от рук служителей закона: «Я, Колубов, выйдя из трактира на ночлег, и было время темное, то не знаю, кто мне нанес два тяжких удара, но я на эти удары не обратил внимания, опять пошел домой со слезами на глазах. Прошедши трактир и дошедши до соседнего дома крестьян Кочеровых, где меня, Колубова, догнали на лошади ехавши вдвоем господин полицейский урядник Флотцкий и полицейский сотский Савкин, я, Колубов, стал объяснять свою обиду, которую нанесли мне при выходе из трактира, и они, не выслушавши моей обиды, сошли с телеги и давай меня тоже бить и наносить мне побои» [5, ф. 324, оп. 1, д. 30/16, л. 2]. Из приведенной цитаты видно, что в сфере причинения боли существуют как любители, так и профессионалы, чьи должностные обязанности в значительной мере связаны с раздачей боли.

В действиях правоохранительных органов боль выступала в роли фактора, четко обозначающего властные полномочия, непосредственно связанные с правом причинять боль по собственному усмотрению. Материалы делопроизводства содержат немало описаний традиционного для российской повседневности жесткого обращения как с обвиняемыми, так и со свидетелями преступлений. В 1865 г. в суде рассматривалось поведение следователя Генриха Милло, неоднократно замеченного в избиениях свидетелей и даже просто случайно попавших под руку местных жителей. Одному из крестьян следователь приказал разбудить его в 7 часов утра. Но когда несчастный исполнил его приказание, Г. Милло принялся бить его, приговаривая: «Разве сейчас семь часов?». После побоев крестьянин долго не мог выздороветь, остался глухим, и близкие всерьез опасались за его жизнь. Местных ямщиков Г. Милло бил за то, что они «везут не с должной скоростью». Во время «поисков по болоту» он в лучших традициях рабовладения «заставлял себя носить на носилках, сам спокойно сидел и курил трубку». В Ряговском приходе во время следствия Милло мощным ударом кулака выбил сотскому глаз [5, ф. 9, оп. 1, д. 17/160, л. 197].

Обращение к материалам, связанным с организацией действий полиции, показывает, что гуманизация следственных процедур происходила крайне замедленно, с многочисленными рецидивами жестокости. Попадая на должность следователя, общаясь с коллегами, человек утрачивал былые черты, приобретенные в высшем учебном заведении, и превращался в сторонника самых жестких мер, принимая самое непосредственное участие в процессах раздачи боли. Для российских подданных «было широко известно», что в полиции часто «бьют, держат в холодном помещении и тому подобное». Объяснялось такое положение дел тем, что от следователей требовалось как можно скорее расследовать преступное деяние и найти виновных. «Губернатор, которому подчинялась полиция, как правило, требовал, чтобы преступление было раскрыто обязательно». Каким образом следствие достигнет успеха и будет ли применено насилие по отношению к подозреваемым, «его не интересовало» [2, с. 15].

Причинение боли необходимо рассматривать как существенный аргумент, действующий в таких ситуациях, когда все прочие доводы остаются бессильными. Периоды протестных акций, революций дают наиболее значимые аргументы. Во все времена «общинный архетип требовал соблюдения алгоритма коллективных действий». Его суть заключалась в «поголовном участии в протестных действиях», что способствовало «блокировке чувства ответственности и минимизации возможного наказания» [8, с. 105]. Так, узнав о манифесте 17 октября, крестьяне Вытегорского уезда, по выражению местного священника, «восприняли его превратно». Они решили «ехать целым обществом и разгромить ближайшие лесные дачи частных землевладельцев для того, чтобы правительство узнало об их недостатках и удовлетворило их нужды». Односельчан, не соглашавшихся принять участие в беспорядках, они «хотели подвергнуть собственному суду и *избиению*». Духовному пастырю с трудом удалось предотвратить беспорядки [3, с. 26-27].

Значительно более сложной является такая ситуация, при которой имело место столкновение двух различных по убеждениям, но равных по силе групп.

С одной стороны, конфликт значительно реже приобретал силовой характер. С другой стороны, решение вопроса силой, путем причинения боли, могло принимать наиболее ожесточенные и массовые формы. Такого рода поведение проявлялось в религиозной жизни. Как писал в середине XVIII в. церковный публицист Василий Флоров, «почасту между собою сходятся расколницы, и разговор бывает о своих расколах, и жестокая между ними пряз и несогласие: друг друга называют еретиками и взаимно друг друга проклинают, едва не до бою бывает» [6, с. 177]. Вопросы религиозной идентичности, по причине слабости богословских аргументов спорящих сторон, вообще нередко решались при помощи насилия или, как минимум, угрозы избиения. Так, священник Кимасозерского прихода в своем рапорте епископу в 1857 г. утверждал: «Служа пять месяцев в храме Божиим, не видел ни одного человека женска пола». Одна из прихожанок, осмелившаяся посетить церковь и исповедаться, вызвала негодование своего свекра, который «едва ли не прибил свою невестку» [5, ф. 25, оп. 8, д. 5/16, л. 1]. Боль (или угроза причинения страданий) проявляется в процессах коммуникации в качестве фактора, призванного послужить последним, решающим аргументом в такой ситуации, когда все остальные объяснения приемлемых форм поведения исчерпываются.

Традиционная культура предполагала собственные причины и методы раздачи боли. Нередко исследователь имеет дело со свидетельствами о ритуализированных ситуациях, связанных с раздачей боли, в том числе и тогда, когда речь шла о внутрисемейных конфликтах. В мае 1791 г. из отлучки вернулся домой государственный крестьянин Иван Богданов. Как утверждал он в своем прошении, «пришед в дом свой, нашел жену мою законную Марину Романову с соседом моим и родственником Артемьем Семеновым в прелюбодействе». Во время импровизированного следствия удалось получить признательные показания. Неверная супруга «и оной Семенов» в присутствии пятисотского и «при собрании мирских людей» «в том прелюбодействе и по спросе признали». Кара последовала незамедлительно. Как писал в своем прошении потерпевший, «жена моя по приговору мирскому телесно наказана

была через пятисотского» [5, ф. 25, оп. 15, д. 3/81, л. 1]. В свою очередь, женщины проявляли изобретательность, стремясь избавиться от постоянных унижений и избиений, присутствующих в сельском быту. «С целью освободиться от постоянных истязаний и мук, сельские бабы шли на убийство своих мужей. Не обладая большой физической силой, женщины проявляли изобретательность. Они убивали супруга или другое ненавистное им лицо, используя камень, топор, одеяло или другие предметы, нередко во время сна, чтобы жертва не могла оказать сопротивление» [1, с. 45].

В периоды сельских праздников избиения и драки приобретали широкий характер и самые дикие формы. С точки зрения современных исследователей праздничной культуры, причинение боли позволяло выяснить «актуальные позиции соперничающих групп», уточнить границы «их территориального доминирования» [4, с. 94]. Полученное в результате конфликта «представление о соотношении сил» могло создавать предпосылки для «дальнейшего развития межгрупповых отношений» [4, с. 192]. В 1912 г. урядник Кончезерского участка доносил петрозаводскому уездному исправнику о недавней драке. В деревне Чупе во время праздника Казанской Божией Матери произошла стычка, в которой участвовало с двух сторон 23 человека. Крестьяне деревни Восточной «в числе 10-ти человек пошли на крестьян деревни Западной, которых находилось 13-ть человек». Немногочисленной местной полиции «совершенно уничтожить беспорядок такой партии не удалось», но нанесение тяжких побоев все же удалось предотвратить. Полицейский урядник «во все продолжение такого смятения находился в среде дерущихся и обезоруживал», отбирая колья и камни. Произведенное дознание позволило выявить причины драки: «эти две деревни с давних лет враждуют между собою» [5, ф. 324, оп. 1, д. 52/7, л. 145]. Выяснение отношений с причинением боли особенно активно происходило в праздничные дни.

Публикации в периодической печати позволяют дополнить эти лаконичные свидетельства новыми подробностями. Началу деревенской драки предшествовало «особое поведение», так называемое «прикалывание», цель

которого заключалась в «оскорблении и унижении соперника, а также стимулировании собственной агрессивности» [4, с. 198]. Ритуализированные формы раздачи боли предполагают сочетание душевых и физических страданий. Карельские материалы подтверждают эту простую закономерность. В 1911 г. современник событий описывал внезапные метаморфозы сельских праздников. «Толпа пьяных гуляк с палками, гармониями и недопитыми бутылками в руках, шатаясь, сквернословя и распевая гадкие позорные песни, выходит на середину деревни и сразу овладевает всей территорией праздничной гулянки. Буяны кричат, поют, ругаются, свистят, разом играют на нескольких гармониях разные рулады и сжатыми кулаками расталкивают и разгоняют толпы мирно гуляющих» [9, с. 17]. Вскоре пьяный разгул перерастает в драку. «С диким, нечеловеческим криком набрасывались хулиганы на неожиданных противников». Они, в свою очередь, «не щадили безобразников». Результат сражения – «несколько окровавленных избитых людей, валяющихся на земле» [9, с. 17]. По описанию другого очевидца, торжества зачастую превращались в массовые побоища: «При общей свалке дерутся чем попало, бьют кого попало; посторонние и заступиться не смеют. Вой женщин: сестер, матерей, жен оглашают толпу. Бьют и их и посторонние, и родные, коих они стараются оттащить от драки. <...> Но какие бы картины развернулись перед вами во тьме праздничной ночи, если бы была возможность созерцать их, когда перепьются и сами хозяева праздника! <...> Вам расскажут, как толпа сорванцов ворвалась в дом, избивала женщин, истоптала мужчин, как одного забияку бросили в колодезь, как одна жена была избита мужем до потери сознания, другая лишилась зубов, третья оглохла ...» [11, с. 27]. Заметим, что по крестьянским представлениям убийство, совершенное во время драки, не считалось преступлением [1, с. 65].

Традиционная культура местного населения не только провоцировала раздачу болевых ощущений, но и содержала специфические рекомендации по трансформации агрессивности в иные формы поведения. Как пишет известный французский ученый Жирар Рене, «вызвавшее ярость существо вдруг

заменяется на другое, ничем не заслужившее ударов насильника, кроме как своей уязвимостью и досягаемостью» [7, с. 9]. Речь идет о замене человеческих существ жертвенными животными. В обыденной жизни Карелии жертвоприношения – одно из древнейших проявлений культа домашнего очага и природы (водоемов, лесов, гор и т.п.). Основные изменения здесь связаны с христианизацией, во время которой происходила замена духа-хозяина христианским святым. Жертвы, приносимые в дни праздников лешим и водяным, стали приноситься христианским святым. Зачастую кровь проливали на месте древнего мольбища и во время, связанное с определенными хозяйственными процессами.

Подводя итоги, отметим, во-первых, что существуют закономерности, связанные с соотношением проблем причинения боли в традиционной и приходящей ей на смену урбанизированной культуре. Традиционная культура заметным образом ограничивала возможности причинения боли, сводя их к периоду праздников, когда отменялись все запреты. Сохранялись обряды, прежде всего, жертвоприношения, во время которых желание причинить боль переносилось с человека на иное предназначенное к ритуальному умерщвлению существо. Городская культура, в значительной мере разрушив традиционные нормы, превратила экстраординарный процесс раздачи боли в элемент повседневности.

Во-вторых, раздача боли в изучаемый период связана с простыми закономерностями поддержания социальных статусов. Государство в лице силовых структур демонстрирует явную тенденцию к монополизации раздачи боли исходя из общественных интересов. Легитимные и нелегитимные практики раздачи боли осуществляются представителями государства в самых различных ситуациях, в том числе и в случаях, выходящих за рамки властных полномочий. Явная взаимосвязь между причинением боли и властью («каждый дюжий ему господин») неизбежно порождает многочисленные случаи подражания в различных сферах общественной жизни. Раздача боли

представляет собой процесс становления и поддержания социальных статусов, а также унификации общества исходя из принятых большинством стандартов.

В-третьих, несмотря на древнейшее происхождение биологических основ боли, связанных со становлением примитивных форм жизни, до настоящего времени отсутствуют единые этические критерии оценки значимости боли. Причинение физических страданий живому организму трактуется как крайнее средство воздействия («иначе не понимает»), как испытание на прочность и выносливость с последующим повышением социального статуса («терпи, казак»). Боль может восприниматься как своеобразный эликсир правды (неспроста выражение «подноготная правда» напоминает слушателю о распространенной пытке – иголке под ногтем). В конечном итоге, под воздействием боли существенным образом меняются *психосоматические взаимоотношения*. Человек осознает, что телесные потребности (в частности, отсутствие страдания) все же являются приоритетными. Другое предназначение физической боли состоит в поддержании коммуникации. Суть проблемы заключается в том, что болевое воздействие невозможно игнорировать. Следовательно, причинение боли становится существенно важным дополнением к речевому, вербальному обращению, которое в данном случае получает гарантии исполнения.

Список литературы:

1. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2012. 124 с.
2. Борисов А.В. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII века – октябрь 1917 года): историко-социологическое исследование. М.: Наука, 2008. 248 с.
3. Маклионов К. Из села Ухты, Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 26-27.

4. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). М.: «Индрик», 2004. 920 с.
5. Национальный архив Республики Карелия.
6. «Обличение на раскольников» Василия Флорова // Старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. Арзамас: АГПИ, 2001. 298 с.
7. Рене Ж. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
8. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
9. Хулиганство. Из деревенских наблюдений // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 20. С. 17-18.
10. Чухрова М.Г., Джулай Л.В. Психоэмоциональные и личностные характеристики при хронических болях в спине // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20). С. 240.
11. Zet. Праздники и народное пьянство // Вестник Олонецкого губернского земства . 1910. № 19. С. 27-29.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Петрозаводской государственной консерватории (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Humanities Department, Petrozavodsk State Conservatory (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.